

Зубы, мишки — все потеряно

Вст. Москва. - 2000. - 7 авг. - с. 6.

Валерий ТОДОРОВСКИЙ:

«Я — трагический случай природного лентяя,
который заставил себя перестать им быть»

Этого молодого человека легче представить на роликах, чем на ответственной должности главного телевизионного продюсера.

Тем не менее Валерий Тодоровский уже целый месяц трудится на новом поприще: правда столь серьезный размах для него пока в диковину, — он еще не научился как следует раздувать щеки, не отрастил живот и занудством страдает разве что самую малость.

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Вы прислушиваетесь к тому, что говорят люди, или художника важно поддержать похвалой, а остальное не имеет значения?

— Если это мнение людей, которых я уважаю и ценю, то оно для меня важно. Тем не менее работа, которой я занимаюсь, создана для людей упертых, узкоколейных. Если каждые пять минут съезжать со своих рельсов только из-за того, что где-то мелькнул другой semaфорчик, ничего не получится. Важно изначально понимать, что ты делаешь, зачем и для кого, иметь правильную внутреннюю установку. Рельсы должны сами нести меня вперед и, желательнее, на большой скорости.

— А люди, которых вы уважаете, смотрят сериалы?

— Сериалы смотрят практически все, просто некоторые это скрывают. Высокомерное отношение к телевизионному жанру, года три назад процветавшее в нашей киносреде, давно прошло. Непонятно, чем простой человек, который после работы смотрит очередную серию, хуже того, кто в этот момент лежит на диване с книжкой Борхеса. Все люди имеют право на свой кусочек счастья и утешения... Я, например, считаю, что мыльные оперы — это прямая психотерапевтическая работа с населением.

Другое дело, что есть сериалы получше, похуже и совсем ужасные. К сожалению, качество определяется рейтингом, а не нашим вкусом. Есть много примеров, когда чудовищные по сути фильмы (просто за гранью!) становились самыми успешными. Для меня это загадка.

Но есть и такие вещи, с которыми спорить трудно. Я делаю фильм, который заведомо смот-

рят миллионы, если не десятки миллионов людей. Мало того, я моментально вижу реакцию, которая определяется рейтингами.

— Вы просчитываете будущий успех?

— До конца ничего просчитать невозможно. В Америке эта индустрия существует уже лет шестьдесят, и там над сериалами работают тысячи и сотни тысяч мозгов. Сидят целые бригады специалистов, сверяют цифры, и все равно выпускают вещи, которые с треском проваливаются!

На нашем уровне все начинается с того, что я задаю себе вопрос: про что людям интересно смотреть? Не мне лично,

— Вы можете остановиться и сказать себе: «Стоп. Я должен недельку отдохнуть», бросить все и уехать?

— Я пытаюсь приучить себя к этой мысли, научиться поступать именно так. Но для меня это, к сожалению, очень большая проблема. Я несвободен в том смысле, что беру на себя многочисленные обязательства и не могу расслабиться, пока их не выполню. Не могу плюнуть на все и делать то, что хочется. А ведь мне сейчас это качество жизненно необходимо, иначе я просто надорвусь!

— Чему же вы учились, когда вам было двадцать лет?

— Когда мне было двадцать, я учился все это на себя взваливать!

— А в качестве психотерапии — что, смотрите сериалы?

— Самый лучший способ — поваляться на диване с книжкой. Выключить телефон и точно знать, что никуда не надо идти, что никому от меня ничего не нужно.

— Вы много курите. Есть ли другие вредные привычки? Ну, например, пьянство, наркотики, что-нибудь еще?

— Пьянство в меру. Разумное, здоровое пьянство с последующим похмельем. Что же касается остального — стараюсь избегать. А какие еще бывают вредные привычки?

— Например, лень.

— Я тот самый трагический случай природного лентяя, который заставил себя перестать им быть. Есть люди, рожденные для бурной деятельности. Они не могут без этого — работают в трех местах, делают восемнадцать проектов, назначают пятнадцать встреч одновременно и чувствуют себя потрясающе. Я же человек, который хочет простоты, ясности и минимума суеты в жизни. Но я приучил себя жить иначе, и теперь, наверное, без этого уже не смогу.

— И что, никаких проблем не возникает?

— Когда я дохожу до края, то говорю себе: «В конце концов я могу все бросить, вернуться на десять лет назад и начать жить спокойно». Ведь как должен жить настоящий художник? Он должен просыпаться в два часа дня, натягивать свитер, садиться с чашкой кофе возле окна и размышлять над первой фразой сценария. Если же первая фраза не получается, художник спокойно, не напрягаясь, откладывает все это в сторону, ложится с книжкой на диван и ждет, когда придет вдохновение.

— Кстати, о свитере. Какую одежду вы любите носить — удобную или красивую?

— Изначально я, конечно, зациклен на удобных вещах. Но при этом одежда все-таки должна быть еще и красивой. Я не гонюсь за сверхстильностью или модностью, но мне не безразлично, что носить. А вообще-то люблю, чтобы ничего не мешало... Летом могу запросто прийти на работу в шортах!

— Привязываетесь к вещам?

— Очень! Ничего не могу выбросить... У меня, например, есть любимая майка, которую я купил десять лет назад в Лос-Анджелесе, и до сих пор ношу.

— А детские игрушки храните?

— У меня с детства было столько переездов, что я все растерял. Сначала Одесса, потом Москва, где все пришлось начинать заново. Новый город, новая квартира, новые вещи, новая жизнь... Так что я не храню мишку с оторванным ухом и коробочку со своим первым выпавшим зубом. Зубы, мишки — все это потеряно.

— Вы возвращаетесь в места, с которыми связаны какие-то переживания?

— Каждый раз, проезжая по Садовому кольцу, я вижу законченный кинотеатр «Форум». С этим местом связано очень многое — там жили мои друзья, там я ходил в школу, бегал в кино... Этот пятачок я знал и любил. Поэтому, проезжая мимо, я каждый раз испытываю чувство ностальгии — легкую сладкую тоску по себе тогдашнему. По тому ощущению жизни, которого у меня уже нет и, наверное, никогда не будет. Однажды я снял фильм, кото-

Досье «ВМ»

Валерий Тодоровский родился в 1962 году в Одессе. Отец — кинорежиссер Петр Тодоровский, мать — продюсер Мира Тодоровская. В Москву семья переехала в 1972-м. Поступал во ВГИК на режиссерский — не приняли. Поступал на Высшие режиссерские курсы к Ролану Быкову — не приняли. В 1984-м окончил сценарный факультет ВГИКа.

Дебютировал как режиссер фильмом «Катафалк» (1990, Гран-при в Мангейме). Последующие работы: «Любовь» (1991, приз в Каннах, призы в Чикаго, Женева, Сочи), «Подмосковные вечера» (1994, четыре «Ники» и приз «Зеленое яблоко — золотой листок»), «Страна глухих» (1998, две «Ники»).

С недавнего времени — главный продюсер по кинопоказу канала РТР.

Женат на дочери Виктории Токорева Наташе. Сына назвал Петей, дочь — Катей.

рый назывался «Любовь». Так вот, он как раз об этом. Я зафиксировал для себя тот возраст, те ощущения и, наверное, в этот момент окончательно с ними расстался.

— Художник всегда рисует самого себя. Верно ли это утверждение по отношению к вам?

— Конечно. Что бы я не снимал, это обо мне. Это мой глаз, мое ухо... целый мир, увиденный через узкую щелочку по имени Валера Тодоровский. Мир, полный событий, людей, слов, цвета, тени, запахов... Если представить себе, что наша жизнь — огромная сфера, то режиссеры — это тысячи дырочек, в которые можно заглянуть примерно на полтора часа.

— Вы украшаете дом фотографиями?

— Нет, но хочу это сделать, потому что понял — это пра-

вильно. Ведь в начале века люди жили именно так. У них все стены были увешаны изображениями — ни сантиметра свободного! И это в самых культурных домах. Бабушка, дедушка, мы с женой на отдыхе, дети, друзья, родственники, любимый писатель или поэт... Я вдруг понял, что это некая материализация прошлого. Если на стене висит портрет близкого тебе человека, ты каждый раз, входя, цепляешь его взглядом, и это создает среду, в которой ты живешь. К сожалению, из-за моей безалаберности фотографий у меня осталось не так уж и много.

— Вы сова или жаворонок?

— Я сова, но приучил себя к определенному режиму. Просто знаю, что надо встать и идти. При этом, чтобы нормально выспаться, мне необходимо восемь часов, а получается не больше пяти...